

В. П. РУДАКОВ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ — СУЩНОСТЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ

Начиная с середины 50-х годов в нашей философской литературе время от времени вспыхивают оживленные споры по поводу определения основных понятий закона единства и борьбы противоположностей. Особенно много внимания уделялось в этих обсуждениях категориям противоположности и противоречия. Выяснить смысл этих понятий — значит раскрыть суть марксистской диалектики. К сожалению, ни одна из прошлых дискуссий данной задачи не решила. Нет ясности в понимании этой проблемы и в наше перестроечное время. Правда, изредка появляются в философских журналах статьи о специфике возникновения и разрешения противоречий социализма. Но сущности понятий противоположности и противоречия они не касаются. И возникает вполне закономерный вопрос: «Можем ли мы, советские марксисты, научно рассмотреть особенности противоречий социализма, не зная, что такое противоположность и противоречие вообще?!» Я утверждаю: не можем. Потому что общие критерии выделения реальных противоположностей, объективных противоречий социалистического строя дают философские, диалектические определения этих понятий.

Сложившаяся тупиковая ситуация осознается многими марксистскими философами. Они утверждают, что проблема существует и должна быть безотлагательно решена.

В ходе прошедших обсуждений предлагались различные варианты дефиниций противоречия и противоположности, но общего понимания не выработано. Правда, большинство советских философов-марксистов единодушно осудили традиционное объяснение категорий противоположности и противоречия. Сущность последнего сводится к следующему: сначала декларируется, постулируется наличие во всех процессах действительности различных и противоположных сторон, направлений (положительное и отрицательное, новое и старое, прогрессивное и реакционное). Затем скоропалительно провозглашается, что указанные явления называются противоположными. А отношения между ними образуют противоречие. Таким упрощенным способом, видимо, невозможно раскрыть диалектико-логический смысл таких отвлеченных категорий, какими являются противоположность и противоречие. Нельзя, конечно, здесь спускаться на уровень рассудочной самоочевидности: сперва указываются конкретные наглядные полюса различных процессов, и здесь же следует обобщение, что это и есть философские дефиниции противоположности и противоречия. Философский анализ любой проблемы всегда заключается в рассмотрении обобщенного содержания, родовой сущности понятий. В данном решении ничего и близкого к этому нет.

Эта логическая наивность с некоторыми вариациями, дополнениями перекочевала и в философские работы нашего времени. Если раньше понятие противоположности не раскрывалось, то теперь оно дается. Определяется оно приблизительно так: противоположность — это каждая из двух взаимообуславливающих и одновременно взаимоотрицающих сторон, на которые раздваивается противоречие, как взаимодействие двух действительных форм, одновременно друг друга предполагающих и отрицающих.

Иногда противоположность понимают еще проще, как одну из сторон противоречия, а противоречие — как взаимодействие противоположностей.

Сопоставляя эти суждения, мы обнаружим, что каждое второе дублирует первое, значит, одно из них не содержит в себе новой информации и, следовательно, оно бессмысленно для науки. Единственное, что их отличает друг от друга — так это порядок слов, в остальном они идентичны.

Хотя надо отметить, что данная трактовка противоречия в известном смысле слова нас может удовлетворить, что же касается противоположности, то ее сущностная специфика раскрыта недостаточно.

Чем же обусловлен данный недостаток?

Нам думается, прежде всего тем, что авторы названных положений переоценивают возможности формальной логики. Естественно, что в известных пределах диалектическая логика использует ее методы при изучении своих законов и категорий, но только в известных пределах. Если же эти границы нарушить, то мы запутаемся в неразрешимых теоретических коллизиях, так как понятия диалектики нельзя объяснить одними средствами данной логики. Например, движение тела можно описать только диалектически: тело в данное время находится и не находится в этом месте.

По правилам формальной логики, для объяснения неизвестного понятия его подводят под более широкое, родовое положение. Следуя этому принципу, некоторые наши философы как само собой разумеющееся принимают тезис о том, что понятие противоположности меньше по объему противоречия и выводят его из второго — получается формально-логическая дефиниция противоположности, а потом из нее выводят понятие противоречия. В результате получается тавтология в определениях, где одна из категорий так и остается нераскрытой.

Существует и другой вариант формально-логического рассмотрения противоположностей — это так называемый системно-структурный метод. Эта форма исследует противоположности как рядоположенные, смежные, взаимно исключаящие и полагающие друг друга. Системно-структурный подход в его формально-логическом понимании решить проблему противоположности и противоречия не способен. Между прочим, отметим, что под системно-структурным изучением явлений действительности классики марксизма понимают необходимую форму изображения их развития. Данный анализ предполагает выведение из объективно-конкретного явления родового основания, а из него выделение производной, противоположной формы. Последняя, соединяясь с всеобщей основой, образует духовно-конкретное.

Нам представляется, что разобраться в понятиях противоречия и противоположности можно только при помощи принципов диалектики, суть которых состоит в следующем.

Во-первых, центральным положением марксистской логики является изображение изучаемых предметов и понятий в развитии. Гегель писал, что «смысл, равно как и необходимое доказательство дефиниции, содержится только в ее развитии и в том, что она является результатом этого развития»¹.

Во-вторых, данное развитие выражается, осуществляется в определенных, преходящих, односторонних формах, которые являются стадиями развития.

В-третьих, эти относительно прочные состояния развития выстраиваются в последовательный, продуктивный ряд, где каждая предыдущая стадия порождает каждую новую.

В-четвертых, эти различные генетические роли ступеней развития оформляют каждую предшествующую как основание, каждую производную как противоположность.

В-пятых, сущность понятий марксистско-ленинского материализма раскрывается через соотношение со своей собственной крайностью, в данном случае через сопоставление (точнее — противопоставление) со своим другим однородным полюсом, т. е. основанием. Начальное положение, основание развития и его противоположность характеризуются предельной общностью, и поиск более широкого определения, под которое можно подвести исследуемые понятия, бесплоден. Категорию противоположности необходимо выделить из условно начального основания. При этом надо помнить, что эти явления сущностно однородны, т. е. моменты единой сущности. Поэтому в процессе последовательного поступательного развития противоположность, рожденная предшествующим основанием, сама превращается в основание для новой противоположности. Последняя формально воспроизводит, возрождает первое основание.

В-шестых, диалектика требует максимально возможного учета многообразных отношений между разбираемыми явлениями и их образами в мыш-

ленин. Классики марксистско-ленинской философии выделили две основные формы связи между односущностными действительными противоположностями: единство, т. е. продуктивное превращение их друг в друга, и борьбу, т. е. взаимное отрицание, самоотрицание.

В-седьмых, диалектика требует выделения из всех связей между рассматриваемыми явлениями и их понятиями существенной, необходимой зависимости, которая определяет все остальное, в том числе природу самого явления.

Если придерживаться этих диалектико-материалистических принципов, рассматривать противоположности как общие стадии развития, то окажется, что парным понятием противоположности является начальное объективное основание развития вещи. Диалектическое объяснение уникальности противоположности возможно при помощи ее выведения из непосредственного основания, в котором она содержится в виде ростка и из которого она, в конце концов, выходит в процессе его развертывания.

Из многозначной зависимости между крайностями нам необходимо выделить ее главное звено, которое, создавая противоположности, наделяет их специфическими свойствами. Одна из них является непосредственным положением, условно исходным основанием. Данная противоположность находит свое воплощение в определенном положительном процессе конкретного объекта. Например, тождество жизни с самой собой обнаруживается в ассимиляции.

Другая сторона выступает в образе возможности новой, производной действительности, отрицающей первоначальное реальное основание предмета. Она тоже находит свое объективное олицетворение в ограниченном, но уже негативном процессе явления. Обычно ее действие вносит момент развития в относительно исходное тождество. Например, различием жизни от самой себя является диссимиляция. При этом надо указать, что первый момент, самообоснование развития, является недостаточной противоположностью, так как он отрицает исходное начало развития предмета.

Необходимо также указать, что данные характеристики абсолютно принадлежат сторонам противоречия, присущего данному отдельному этапу совокупного исторического процесса вещи. Но поскольку в генетическом взаимодействии предмета противоположные формы бытия превращаются друг в друга, то их качества меняются в корне: действительная абсолютная сторона становится непосредственной, основанием, а бывшая условно основная сторона приобретает функции отрицательного звена.

На наш взгляд, существенными моментами диалектических противоположностей является их производный зависимый характер от своего относительно первого основания.

Как уже отмечалось, всякое движение в общем виде представляет собой попеременное чередование оснований и противоположностей. Сторона-основание всегда является сравнительно самостоятельной по отношению к своей производной стороне-противоположности в отдельном акте развития. В следующем акте развития противоположный производный момент становится основанием, создающим новую сторону, которая поступательно отрицает свое исходное начало.

Вторым существенным свойством диалектической противоположности является ее продуктивное отрицание своего основания. Диалектическая противоположность, разрушая свою условную опору, создает самое себя. Поэтому всякое развитие в философском смысле представляет собой превращение основания в свою противоположность, которая его производительно опровергает. Только диалектическое отрицание способно наделять всякое производное звено определенного процесса свойством противоположности.

Говоря об абсолютной роли отрицания в отношениях между истоком и противоположностью, мы должны иметь в виду, что оно является поступательным, обновляющим, односторонним. Саморазрушаемое основание производит новую противоположность. Данная производительная связь между началом и противоположностью образует их диалектическое единство, в рамках которого и происходит самосгорание основания и формирование противоположности.

Итак, развитие, движение на сущностном уровне представляет собой последовательное, поступательное чередование крайних, противоположных сторон, ступеней процесса. Каждое звено попеременно, поочередно выступает то в роли основания, то в роли противоположности. Всякий отдельный, новый процесс начинается с относительного положительного основания. Относительного потому, что это основание само является продуктом опровер-

жения устаревшего, условно замкнутого звена общей цепи изменения вещи. Положительное начальное основание относительно и потому еще, что оно само содержит в себе возможность самоотрицания, заложенной в нем противоположностью. Противоположность устраняет условно исходное основание, положение становится действительной противоположностью. Последняя, выражаясь, формируя в своих недрах новую противоположность, становится для нее основанием. А новая противоположность формально воспроизводит, изображает первое основание отдельного процесса.

Таким образом, всякая противоположность обладает следующими признаками: во-первых, производностью и самопроизводностью генетической зависимости от своего составного однородного условного основания; во-вторых, односторонней поступательной отрицательностью по отношению к своему исходному, опорному положению. Можно сказать, что **противоположность** — это **производная сторона основания**, однозначно поступательно **отрицающая** последнее. Данное понятие является своего рода абстракцией, отвлечением от целого процесса, фиксирующим его отдельный, односторонний момент. **Противоречие** же всегда охватывает процесс развития вещи в целом и выступает в форме **взаимного отрицания** основанием и противоположностью друг друга в ходе их генетического, производительного единства.

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 59.

Т. М. АЛШЕЕВА

СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

История всех тоталитарных режимов свидетельствует о том, что их идеологической опорой и основанием является социальное мифотворчество и религия. Великие и могущественные постулаты, создаваемые ими, оправдывают верховную власть, освящают насилие и беззаконие, оскотачивают свободу мысли, духа и действий. Этими догмами «кормят и кормят народ, пока людей не затошнит. И вот тогда пропадает вера в Веру... Диктатора ни спровергают и выясняется, что с ним низвергнут и Бог, развенчан миф... И страна оказывается перед выбором: либо хаос и распад, либо новая диктатура. Впрочем, есть и третья возможность... Заключается она в том, что миф старый заменяется на миф новый. Точнее, на три новых мифа, которые всегда под рукой: свобода, равенство, братство»¹. Несмотря на некоторую категоричность вывода, автор прав в главном, что развитие истории человеческого общества (не только диктаторских режимов) есть процесс творения и развенчания мифов. В этой связи нынешнее историческое время не является исключением. Социальное мифотворчество составляет неотъемлемую часть всех современных социально-политических систем, оно прочно имплантировано в тело современной цивилизации.

В последние годы термин «миф» достаточно прочно вошел в лексику научных, публицистических, политических работ, посвященных проблемам социальной теории марксизма и практике ее реализации. Этот факт знаменателен сам по себе, ибо он свидетельствует о начавшемся процессе демифологизации теоретического и обыденного уровней общественного сознания. Тем более, что еще совсем недавно такого рода подходы к анализу теории социализма и «реального» социализма были просто немислимы. Понятия «миф», «мифотворчество» интерпретировались философами-марксистами только как феномен буржуазной идеологии. Научность и истинность марксизма рассматривались как базисный фактор, в принципе предопределяющий невозможность социального мифотворчества. В этом плане следует отметить, что предшествующая почти 70-летняя философская традиция познания социальных процессов в нашей стране характеризовалась почти полным игнорированием внутренних нормативов науки, выработанных еще в эпоху Возрождения и в начале Нового Времени: запрета на умышленное искажение истины в угоду другим, внешним для науки ценностям (политическим, идеологическим, религиозным) и запрета на плагиат². В результате общественное превратилось в набор социальных мифов, искаживших и извративших суть процессов прошлого, настоящего и будущего. Пожалуй, такого прецедента мифологизации социальной действительности история еще не знала.

В этих условиях особое теоретическое и практическое значение приобретают проблемы исследования социального мифа как социально-культурного